

Ф. 1562. Центральное статистическое управление при Совете министров СССР
Сперанский А.В. Культура Урала в годы Великой Отечественной войны: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 1997. 50 с.

Сперанский П.А. Социокультурное развитие Урала в годы Великой Отечественной войны: историография проблемы // Великий подвиг народа по защите Отечества: вехи истории. Екатеринбург: б.и., 2020. С. 239 – 243.

УДК 930.2

Д. В. Тимофеев

КОМПЛЕКС ДОКУМЕНТОВ ПУБЛИЧНОЙ И НЕПУБЛИЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В РОССИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.: ПРИНЦИПЫ ОТБОРА И ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Обосновывается необходимость изучения общественного сознания как истории коммуникативных практик посредством акцентирования внимания на способах и содержании аргументации, высказываемой автором исторического источника. Предложен принцип сочетания (в рамках одного проблемно-тематического поля) источников публичной коммуникации с определенным и неопределенным адресатом. Формируемый таким образом комплекс может включать материалы периодической печати, литературно-публицистические произведения, проекты реформ, жалобы, прошения и др. тексты, содержание которых становилось предметом для обсуждения какой-либо группой лиц. Предложенное сочетание двух форм публичной коммуникации, позволяет сопоставить, каким образом близкие по проблематике вопросы транслировались на широкую читательскую аудиторию, и какие аргументы высказывались в текстах, ориентированных на достижение практического результата. В качестве примера реализации данной модели представлены результаты сравнительного анализа общественных настроений по крестьянскому вопросу в России первой четверти XIX века.

Ключевые слова: методология источниковедения, крепостной вопрос в России, свобода, рабство, история общественной мысли, проекты реформ.

В работах российских и зарубежных исследователей все чаще высказывается сомнение в возможности адекватной реконструкции истории общественного сознания только посредством анализа произведений «великих авторов» [Скиннер, 2018, с. 53–122; *Общественная мысль России*, с. 6–15]. Конечно, выдающиеся мыслители, литераторы или государственные деятели могли выражать еще не осознаваемые современниками тенденции развития, но, чаще всего, их идеи были нетождественны пониманию актуальных социально-экономических и политических проблем представителями различных социальных групп. В этом контексте проекты М. М. Сперанского или Н. С. Мордвинова, например, не соответствовали ожиданиям не только всего российского дворянства, но даже и достаточно небольшой группы правительственной элиты. Таким образом, анализ произведений «великих авторов»

позволяет понять особенности индивидуальных представлений лишь наиболее образованных и активных индивидов, которые являются частью общественного сознания, но не отражают всего спектра оценок и суждений по наиболее актуальным для современников вопросам.

Для адекватной реконструкции разнонаправленного и динамично изменяющегося процесса эволюции общественного сознания в более широком историческом контексте необходима смена подходов к поиску и анализу исторических источников. В основе исследовательской парадигмы должно быть изучение истории общественного сознания как *истории коммуникативных практик*, истории столкновения различных способов аргументаций, обоснования необходимости совершения индивидами, правительственными структурами или тайными обществами значимых для них действий. Системообразующей категорией, позволяющей структурировать процесс поиска и группировки источников по истории общественного сознания России имперского периода, на мой взгляд, может стать концепт «социальный диалог». Содержательно он включает в себя не только непосредственное личное общение индивидов, но и публичное обсуждение современниками наиболее актуальных вопросов в периодической печати, а также опосредованную множеством управленческих структур, и порождаемой ими документацией, реакцию власти на прошения, жалобы и практические действия российских подданных.

В рамках предложенного подхода целесообразно разделять тексты источников по степени публичности и характеру коммуникативного воздействия на две группы.

1) Тексты, предназначенные для чтения неопределённым кругом лиц с целью формирования общественного мнения или выражения позиции по какому-либо вопросу. Посредством публичной коммуникации с неопределённым адресатом обсуждение актуальных вопросов происходило открыто, круг потенциальных участников диалога заранее не был четко определен и мог варьироваться в зависимости от количества читателей. Такая форма представлена, например, публикациями в правительственных и частных журналах, отражавшими, соответственно, позицию власти и мнения различных авторов статей, заметок путешественников, писем читателей в редакцию; научно-публицистическими произведениями и учебной литературой по гуманитарным дисциплинам. Изначальная неопределенность адресата, а иногда и автора, скрывающего свое настоящее имя за псевдонимом, позволяла представлять тот или иной факт, мнение или оценку как «общеизвестную», способствующую «общему благу», или напротив – «искоренению заблуждений, пороков и невежества». Такой формат публичного высказывания обуславливал возможность размещения на страницах журналов критических высказываний оппонентов и ответной реакции авторов, посредством которых участники заочного диалога стремились показать читателям справедливость и обоснованность своего мнения. В России первой четверти XIX в. подобного

рода публичные дискуссии, наряду с заявлениями верховной власти о восстановлении «силы закона» и «свободы мнений», формировали общий интеллектуально-эмоциональный фон, способствующий возникновению иллюзии открытости периодической печати и властных структур для обращений российских подданных с разнообразными жалобами, прошениями и проектами.

2) Тексты, создаваемые в процессе публичной коммуникации с определенным адресатом, авторы которых, преследуя четко сформулированную цель, обращались не к абстрактному читателю, а рассчитывали на ответную реакцию конкретных адресантов: жалобы, прошения, проекты, докладные записки, распоряжения и решения судебных инстанций, возникавшие в процессе рассмотрения письменных обращений заявителей.

Комплексное изучение публичных текстов с определенным и неопределенным адресатом позволяет историку сопоставить, каким образом близкие по проблематике вопросы транслировались на широкую читательскую аудиторию и какие аргументы высказывались в текстах, ориентированных на достижение практического результата [Тимофеев, 2018, с. 184–191]. Но решение столь масштабной задачи предполагает не экстенсивное расширение источниковой базы, т. к. анализ всей совокупности текстов, созданных в процессе публичной коммуникации в Новое и Новейшее время, является заведомо недостижимой целью, а обоснованное ограничение исследовательского поля четкими хронологическими и предметно-тематическими рамками. С учетом этих ограничений конкретно-историческое исследование должно быть направлено на комплексную реконструкцию дискурсивных практик, возникавших в процессе решения его участниками *определенного круга вопросов*, которые были частью более масштабной социально-экономической или политико-административной проблемы [Тимофеев (1), 2018, с. 1129–1143].

Так, например, при сопоставлении журнальных публикаций, затрагивавших проблему «рабства» в различных странах мира и положения крепостных крестьян в России, дворянских и недворянских проектов, прошений помещиков и подвластных им крестьян, выявлены особенности обоснования различных сценариев «искоренения рабства» в России.

В периодической печати доминировали эмоционально-оценочные суждения о *моральном неприятии «рабства»*, а его существование объяснялось природным стремлением человека к получению прибыли и обладанию собственностью. В данном контексте неоднократно артикулировалась компенсаторная модель предоставления личной «свободы» в других странах, предписывающая обязательность выкупной операции, инициатором проведения которой может и должна быть верховная власть. При этом одни авторы, подчеркивая противоречие «рабства» нормам христианской морали, констатировали неприменимость данного понятия к российской действительности, а

другие – признавали «рабство крестьян» и призывали к его скорейшему искоренению. И если позиция первых сводилась к воспроизводству аргументов о патерналистском характере взаимоотношений между помещиком и крепостными крестьянами, то сторонники признания «рабства крестьян» в России, чаще всего, акцентировали внимание на необходимости жесткой юридической регламентации объема прав и обязанностей как крестьян, так и собственников земли.

В проектах решения крепостного вопроса аргумент о безнравственности «рабства» имел уже второстепенное значение. Центральными становятся понятия «свобода» и «собственность», а главным сюжетом – размышления авторов о том, что может сделать правительство для освобождения крестьян, не нарушая права «собственности» помещиков. В ходе подобного рода рассуждений обосновывалась необходимость организации постепенного перехода зависимых крестьян на новый тип договорных взаимоотношений с «собственником земли». Такая логика подразумевала целесообразность не только личного освобождения крестьян по договору с помещиком, но и предоставления права владеть населенными крестьянами землями даже лицам *недворянского происхождения*, что, по мысли некоторых авторов, не только не способствовало бы укреплению крепостного права, а, напротив, привело бы к его постепенному смягчению посредством юридической регламентации прав и обязанностей крестьян.

В крестьянских прошениях аргументация необходимости смягчения «рабского положения» была связана с жестокостью помещика, сомнениями в законности власти наследников имения и получением информации о происхождении заявителя из так называемых «свободных состояний» [Тимофеев, 2015, с. 79–90]. Сопоставление подобного рода аргументов позволило выявить особенности понимания частновладельческими крестьянами характера взаимоотношений с помещиком. В текстах прошений противоположностью «рабства» одновременно были «свобода/вольность» и «законное владение». При этом для крестьян-земледельцев «свобода/вольность» не обязательно означала переход в другое «состояние», а лишь отсутствие мелочного контроля со стороны помещика. Крепостные же, находящиеся на положении «дворовых людей», особенно те из них, кто длительное время проживали в городах, отождествляли «свободу» с предоставлением личной независимости и возможности уйти от помещика. Наиболее вероятный, с точки зрения крестьян, сценарий решения крепостной проблемы предполагал, что инициатива перевода их в «свободное состояние» должна исходить от императора и сопровождаться финансовой поддержкой государством бывших помещиков. Патерналистская схема решения крепостного вопроса (с небольшими вариациями процедуры освобождения) встречается и в журнальных публикациях о положении в различных странах Европы, и в дворянских проектах, и в кре-

стьянских прошениях. Таким образом, апелляция к государству воспринималась в различных социальных средах как аргумент, который в перспективе мог стать основой для достижения конвенционального соглашения по вопросу о способах и темпах упразднения личной зависимости крестьян.

Практическая реализация принципа сочетания текстов публичной коммуникации с определенным и неопределенным адресатом показало высокую информативность предлагаемого подхода. Именно такое сочетание текстов, созданных в различных жизненных обстоятельствах, с различными целями и адресованные неизвестному читателю или конкретному чиновнику, позволит исследователю выявить сходства и отличия социально-политического языка представителей различных социальных групп, особенности расстановки смысловых акцентов при аргументации своей позиции по наиболее актуальным для современников проблемам. Предложенный подход отрывает перспективу существенной корректировки сложившегося алгоритма жесткого приписывания исторических авторов к сторонникам какой-либо политической идеологии в условиях, когда сами идеологии еще не были сформированы, и переходе к исследованию истории общественного сознания как сложносоставной и постоянно изменчивой системы дискурсивных практик.

Список литературы

Общественная мысль России с древнейших времен до середины XX века. В 4 тт. Т. 2. Общественная мысль России XVIII–первой четверти XIX века. М. : РОССПЭН, 2020.

Скиннер Кв. Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М. : НЛЮ, 2018. С.53–122.

Тимофеев Д. В. (1) Крепостной вопрос в России: социальный диалог и коммуникативные практики власти (первая четверть XIX в.) // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 4. С. 1129–1143.

Тимофеев Д. В. «Свобода» и «рабство» в крестьянских прошениях первой четверти XIX века // *Вопросы истории*. 2015. № 7. С.79–90.

Тимофеев Д. В. (2) Принципы инструментализации методологии «истории понятий» в исследованиях по истории общественного сознания России XVIII – первой четверти XIX в. // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 436. С. 184–191.